

УДК 342.4

ПОИСК ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

**А.М. Осавелюк. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ
КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(избранные труды): сборник. М.: Проспект, 2024. – 496 с.**

© 2025 г. М. С. Пермиловский

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

E-mail: permilovsky@mail.ru

Поступила в редакцию 02.09.2024 г.

Аннотация. В рецензии отражена основная концепция книги «Духовно-нравственные основы Конституции Российской Федерации» — преемственность дореволюционного отечественного консерватизма современным российским конституционализмом. Изучены научные результаты исследования и сделаны выводы об их значении для дальнейшего развития мер по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Авторский сборник, объединенный единой идеей развития российского конституционализма в концепте традиционных российских духовно-нравственных ценностей, может быть с одинаковым вниманием прочитан учеными-конституционалистами и просто интересующимися людьми.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, отечественный консерватизм, конституционализм, конституция.

Цитирование: Пермиловский М.С. Поиск отечественного консерватизма в современном конституционализме

А.М. Осавелюк. Духовно-нравственные основы Конституции Российской Федерации (избранные труды): сборник // Государство и право. 2025. № 2. С. 189–196.

DOI: 10.31857/S1026945225020199

THE SEARCH FOR DOMESTIC CONSERVATISM IN MODERN CONSTITUTIONALISM

**A.M. Osavelyuk. SPIRITUAL AND MORAL
FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTION
OF THE RUSSIAN FEDERATION (selected works): collection.
Moscow: Prospekt, 2024. – 496 pp.**

© 2025 M. S. Permilovsky

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk

E-mail: permilovsky@mail.ru

Received 02.09.2024

Abstract. The review reflects the main concept of the book “Spiritual and moral foundations of the Constitution of the Russian Federation” – the continuity of pre-revolutionary domestic conservatism by modern Russian constitutionalism. The scientific results of the research are studied and conclusions are made about their significance for the further development of measures to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values. The author’s collection, united by a single idea of the development of Russian constitutionalism in the concept of traditional Russian spiritual and moral values, can be read with equal attention by constitutional scholars and simply interested people.

Key words: traditional Russian spiritual and moral values, domestic conservatism, constitutionalism, Constitution.

For citation: *Permilovsky, M.S. (2025). The search for domestic conservatism in modern constitutionalism A.M. Osavelyuk. Spiritual and moral foundations of the Constitution of the Russian Federation (selected works): collection // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 189–196.*

*Если имена неправильны,
то слова не имеют под собой оснований.
Если слова не имеют под собой оснований,
то дела не могут осуществляться.
«Лунь юй» Конфуций*

«Современному российскому обществу нужны глубокие мировоззренческие исследования»¹, – именно так Президент РФ охарактеризовал необходимость поиска основных приоритетов и знаний в новейшей истории страны. Многие научно-исследовательские проекты, связанные с ментальным развитием в сферах культуры и искусства, защиты прав и свобод человека, охраны здоровья и пропаганды здорового образа жизни, поддержки семьи, развития институтов гражданского общества, сохранения исторической памяти, поддерживаются Фондом президентских грантов. И все-таки длительный этап советской идеологии, а затем переход к вестернизации не позволяет быстро оздоровить мировоззренческие взгляды. Проблема «отцов и детей» все чаще увеличивает поколенческие разрывы и, как следствие, размывает ценности, передаваемые от поколения к поколению. В такой ситуации воспитание фактически антиценностей (с точки зрения предыдущих поколений) может быть даже не замечено человеком XXI века.

В связи с этим актуально изучение и научно-практическое внедрение в правовое регулирование идей отечественного консерватизма. В настоящее время идеи отечественного консерватизма уже оформляются в самостоятельные научные направления². Эти идеи включают такие традиционные для России ценности, как вера, правда, справедливость, долг (патриотический, трудовой), семья, соборность³.

Представляется, что в том числе поэтому сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей является в настоящее время

стратегической задачей⁴. Их основу составляют сформированные поколениями российского общества духовные, исторические и культурные ориентиры: жизнь и достоинство, права и свободы, патриотизм, приоритет духовного над материальным, милосердие и взаимопомощь, семья и труд, историческая память и единство народов России. Указанные ориентиры, реализация которых рассчитана на длительный неопределенный срок и связана, по сути, с множественными правоустановлениями и правокорректировками, являются по своей природе не конституционно-правовыми, а неординарными.

В связи с этим особую актуальность приобретает изучение духовно-нравственным смыслов Конституции РФ. Это, по сути, является предметом исследования д-ра юрид. наук, проф. А. М. Осавелюка в сборнике (который в силу своей концептуальности можно считать монографией) избранных трудов «Духовно-нравственные основы Конституции Российской Федерации»⁵. Книга состоит из введения, пяти глав, в которых содержится совокупно 45 параграфов.

Во введении автор для удобства читателя аннотирует собственный труд.

В гл. I «Конституции России: сущность, эволюция, ее сохранение и формы» делается теоретическое обобщение подходов к определению формы (писанные, неписанные, «пакетные») и способов реализации конституций (законы, обычаи и прецеденты). Основу для такого обобщения составили Конституции Израиля, Северной Ирландии, США, Великобритании, Канады и др. Особое внимание при этом уделено неписаным актам, что позволило посредством сравнительного метода провести аналогию между ними и Конституцией Российской империи, историю создания которой А. М. Осавелюк связывает не с Высочайшим Манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» 1905 г., зачастую ассоциируемым с первой Российской Конституцией, а с Законом о престолонаследии 1797 г., Учреждением об императорской фамилии 1797 г. и, в особенности, с Кормчей книгой – церковными и светскими законами. Отсюда следует принципиальный вывод о том, что «законодательство Российской империи было пронизано не только нормами права, но и нормами нравственности» (с. 24). Подтверждение этому можно найти в большинстве трудов правоведов Российской Империи,

¹ См.: Стенографический отчет о встрече с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук от 21 июня 2007 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/24359

² См.: Кузубова А. Ю. Правовые ценности в юридической доктрине русского консерватизма XIX века: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2023.

³ См.: Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского о характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 3. С. 230, 231, 239, 242; Мартышин О. В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 25–27; Кузубова А. Ю. Указ. соч. С. 14–16, 156–181.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

⁵ Осавелюк А. М. Духовно-нравственные основы Конституции Российской Федерации (избранные труды): сб. М.: Проспект, 2024. – 496 с.

полагавших, что для действенного (справедливого) урегулирования общественных отношений требуется синтез права, нравственности и веры⁶.

По мнению автора, это означает, что конституционное развитие России началось намного раньше как XX, так и XIX в. Аргументируя свою точку зрения, А.М. Осавелюк говорит о сложившемся в конституционном праве парадоксе, когда под влиянием еще советской идеологии российское конституционное развитие формализуется, т.е. увязывается, лишь с актами, имеющими в наименовании слово «конституция», в то время как конституционное развитие зарубежных стран — это, как правило, любые нормы права, где бы они не содержались (в законах, поправках, биллях, актах и т.д.), регулирующие публично-правовые, организационно-властные, статусные и иные взаимосвязи внутри государственного аппарата, государства и общества, общества и человека. Автор находит, что такие же взаимосвязи имели место в России задолго до XX или XIX в., а сами «конституционные акты в России появились еще в XVIII веке или даже раньше» (с. 40).

Конституция РФ, по мнению ученого, является смысловым продолжением конституционного развития Российской Империи, нежели советского конституционализма (по признакам статуса главы государства, предоставления прав человека (разумеется, с учетом исторического контекста)). Подтверждение тому можно найти в трудах других авторов⁷.

После конституционной реформы 2020 года это стало еще более очевидно, поскольку на высшем юридическом уровне созданы правовые условия (ч. 2 ст. 67¹ Конституции РФ) для устойчивого духовно-нравственного развития: преемственность отечественной государственности (объединение тысячелетней историей, преемственность в развитии Российского государства), а значит, и приверженность как праву, так и иным социальным нормам (из истории отечественного права видно, что к ним относятся нормы религии и нравственности); регулирование общественных отношений «в опоре не только на право, но и на религиозно-нравственные начала» (с. 126) (сохранение памяти предков, передавших идеалы и веру в Бога).

Указанные изменения, как определяет А.И. Овчинников, важны для защиты религиозных ценностей, поскольку «Конституция выступает своего рода “камерой хранения” абсолютных ценностей»⁸.

⁶ См.: *Заозерский Н.А.* Право православной греко-восточной русской церкви как предмет специальной юридической науки // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1888. Ч. 1. Кн. 2. С. 323, 324; *Коркунов Н.М.* Общественное значение права: лекции в Императорском Александровском лицее. СПб., 1892. С. 1, 2; *Шеглов В.Г.* Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль, 1888. С. 72, 87, 98; *Байков А.Л.* Междувластные и властные отношения в теории права: опыт теоретико-познавательного построения. Ярославль, 1912. С. 225–229; *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М., 2017. Ч. 1. С. 274–282; *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права. М., 2022. С. 170.

⁷ Например, А.Н. Медушевский при изучении особенностей российского конституционализма выделяет три конституционных цикла: дореволюционный в начале XX века, советский и современный незаконченный. Третий цикл — это переход от формальности к реальности, причем по объективным задачам он ближе к первому циклу (см.: *Медушевский А.Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 278).

⁸ *Овчинников А.И.* Бог и Конституция в постсекулярном мире // Бог. Человек. Конституция. Библийская философия права в научном наследии А.П. Лопухина (1852–1904) / под ред. А.И. Овчинникова. М., 2020. С. 80.

Устойчивое духовно-нравственное развитие — задача каждого, государственное принуждение здесь препятствует кантианскому «уважению к закону» и, как следствие, доверию населения к государству, поскольку духовно-нравственная идентичность является самостоятельно организуемой свободой человека (стремление к идеалу, отступление от него =, ≠ совесть, чувство стыда). Поэтому А.М. Осавелюк предлагает обеспечить такое развитие следующей триадой: образование (духовно-нравственное воспитание), правоустановление/правореализация (знание и сбалансированное применение норм права, религии и нравственности), гражданское общество (объединение граждан по общности религиозных, культурных, образовательных и иных интересов). Данные рассуждения близки к представлениям правоведов Российской Империи об организации государственного воздействия на нравственность⁹.

Сложнее представляется обеспечить синтез права, религии и нравственности в деятельности должностных лиц органов власти. В особенности это касается исполнительной и судебной власти, когда нормы права имеют дефекты (чаще всего, пробелы в правовом регулировании) или нормы права не в полной мере согласуются с нормами религии и нравственности. На этот случай В.Д. Зорькин предлагает руководствоваться толкованием, восполняющим правовые пробелы¹⁰. Исходя из совокупности ст. 2 и 18 Конституции РФ (высшая ценность человека, его прав и свобод, определяющих смысл деятельности всей системы власти), любые правоприменительные решения должны приниматься в интересах индивидуума. Однако буквально данный подход может привести к тирании антропоцентризма и нарушению баланса интересов (частных/публичных) в правовом государстве. Иное расширительное толкование норм права в совокупности с нормами религии и нравственности в ordinariaрной исполнительной и судебной практике влечет риски коррупциогенности, небеспристрастности, произвольности в силу глубокого и сложного содержания последних (при том, что у должностных лиц нет презумпции профессионального знания богословия и этики).

Означает ли это, что право — «вещь в себе»? Отделение права от религии и нравственности, приобретение им автономности или, как писал Г. Кельзен, «чистоты», свободной от других социальных норм, создающих излишнюю эмоциональность в праве¹¹, вызывает, по справедливому мнению А.М. Осавелюка, следующие опасения: «отделившееся право не может сказать: конкретное установленное право или свобода гуманны или бесчеловечны, способны привести к добру или причинить зло, справедливы или несправедливы» (с. 138). Должностные лица, исполняющие и (или) применяющие право, не могут давать ему качественную

⁹ Например, В.Ф. Дерюжинский, не отрицая де-факто невозможность прямого такого воздействия, полагал, что де-юре оно может быть опосредовано образованием и гражданским обществом. Задача государства в этом случае заключается в создании правовых, организационных и финансовых условий для их развития (см.: *Пермиловский М.С.* Учение В.Ф. Дерюжинского о государственном воздействии на нравственность и современные задачи по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовая культура. 2023. № 3 (54). С. 5–10).

¹⁰ См.: *Зорькин В.Д.* Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства // Журнал рос. права. 2023. № 5. С. 99.

¹¹ *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. СПб., 2023. С. 22, 33, 267, 279, 424, 426.

оценку, поскольку иное приведет к чрезмерной индивидуализации правореализации¹².

В гл. II «Духовно-нравственные и правовые положения Конституции России» поднимаются вопросы допустимости секуляризации права. Автор сразу подчеркивает недостаток современного юридического образования — изучение права производится без системного единства с нормами религии и нравственности, что не дает полного представления об эффективности регулирования общественных отношений. Пагубность такого подхода демонстрируется на примере законодательства западных стран, где «устанавливаются правила поведения, которые грубо попирают не только религиозные, но и нравственные устои, и по своей сути являются бесчеловечными» (с. 129). Иными словами, отрыв права от религии и нравственности позволяет узаконить поведение, которое вредит духовно-нравственному здоровью общества¹³.

Подобную секуляризацию права на Западе по сравнению с Востоком славянофил А.С. Хомяков еще в XIX в. объяснял разным пониманием религиозных источников. Именно от связи с ними, констатирует А.М. Осавелюк, зависит «единство норм права, религии и нравственности», поскольку, по его мнению, первоисточником для всех этих норм является Священное Писание. Западное правовое регулирование, гарантируя права и свободы личности, стремится обеспечить максимальный комфорт для человека, что предполагает поощрение индивидуализма, эгоизма и личной вседозволенности. В таком правовом регулировании нет места оценки духовно-нравственным состоянием стыда и совести.

Сам же разрыв этического учения о единстве религии, нравственности и права, как отмечал Р. Паунд, стал последствием идей классической немецкой философии, согласно которым право — это закон, а вера и нравственность — это личные переживания¹⁴.

В качестве альтернативы А.М. Осавелюк предлагает вернуться к идеям отечественного консерватизма о связи прав и свобод с обязанностями и ответственностью человека, а также о соотносительности личных интересов с интересами ближнего, семьи и народа. Для этого социальное регулирование должно основываться на «триединстве норм религии, морали и права» (с. 169). Оно, в свою очередь,

позволит «не только оценивать “качество” прав и обязанностей, но и пресекать “некачественное” поведение еще до совершения поступка» (с. 170).

Смысловое единство религии, нравственности и права сложно обеспечивать при атеистическом понимании конституционного принципа светского государства. Автор полагает, что оно до сих пор является наследием советского периода истории России. Однако государство не может влиять на религию (здесь приводится уместная цитата Б.С. Эбзеева: «Государство может устанавливать правовой либо конституционный статус церкви, может устанавливать конституционный статус религиозных объединений граждан, но не религий» (с. 174)). Напротив, духовно-нравственное состояние любви, справедливости, уважения обеспечивает исполнение светского закона, даже при его незнании. Маргинальное же отношение к закону не даст такой гарантии, поскольку, в отличие от духовно-нравственного состояния, характеризует лишь внешнее поведение. Поэтому, по мнению А.М. Осавелюка, «демократическое светское государство не в коей мере не вправе занимать нейтральную позицию по отношению к исповедуемым обществом моральным ценностям» (с. 182).

В гл. III «Форма правления, государственный режим и форма политико-территориального устройства» автором исследованы вопросы от теории государственного режима до формирования конституционализма в период правления Николая II. Здесь во взаимосвязи проанализированы понятия «государственный режим», «политический режим» и «форма правления» в историко-правовой и современной ретроспективе. Сделан вывод о том, что Конституция Российской империи представляла собой свод основных нормативных правовых актов, касавшихся организации публичной власти, нежели ограничения власти царя. Такая власть, с точки зрения А.М. Осавелюка, ограничивала сама себя, поскольку имела духовно-нравственное, а не светское основание. «Самодержавие, — пишет автор, — в отличие от абсолютизма базируется на принципиально иных духовных, нравственных и правовых основах» (с. 293). Данный подход был характерен и для правового регулирования — изначально Кормчей Книги, а в последующем Книги Правил (аналога Номоканона — византийского сборника церковных правил и императорских указов).

В итоге автор приходит к выводу о том, что в совокупности духовно-нравственные самодержавие и правовое регулирование позволили бы в дальнейшем (если бы не революционные события 1917 года) «успешно и эффективно управлять государством многие десятилетия, если не века» (с. 298).

В главе IV «Правовые основы системы государственных органов в Конституции России» сгруппирован теоретический материал об авторском понимании организации системы публичной власти в России с историческими параллелями. В основном это касается значения верховенства власти в Российской Империи, СССР и Российской Федерации.

В дореволюционный период верховенство власти, а вместе с ним и неограниченность были характерны для монарха. В первом случае монарх возвышался над органами власти, а во втором — имел права на помилование, вето в отношении законов, формирование и роспуск органов власти.

В советский период такими качествами власти обладал Верховный Совет СССР. При этом автор отмечает, что неограниченность власти в данный период все-таки подвергалась самоограничению — обязанности подчиняться собственному принятому закону, «пока не пришло время его

¹² Такую оценку, а значит, и истолкование права совокупно с нормами религии и нравственности вправе осуществлять Президент РФ (к примеру, в рамках стратегического планирования), Федеральное Собрание РФ (в ходе имплементации в законодательство содержания иных социальных норм) и высшие органы судебной власти (при устранении правовых дефектов в форме противоречия норм права Конституции РФ (Конституционный Суд РФ), обеспечении единообразия судебной практики в гражданских, арбитражных, административных и уголовных делах (Верховный Суд РФ)).

¹³ В качестве примеров автор указывает эвтаназию, однополые браки, аборт, сделки с правосудием, преодолевающие принцип неотвратимости наказания за преступление.

¹⁴ См.: Pound R. Law and Morals — Jurisprudence and Ethics // North Carolina Law Review. 1945. Vol. 23. Iss. 3. Pp. 191–193.

Последствия этого талантливо описаны в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит все новое... чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только злешнем мире. Человек возвеличится духом... тиранической гордости. Где стану я, там сейчас же будет первое место <...> “все дозволено”, и шабаш!». Аналогичная философия прослеживается у ницшеанского сверхчеловека и в массовой культуре («Мы хотим весь мир, и мы хотим его сейчас» — строки из известной песни музыкальной группы «The Doors» (1967)).

изменения или отмены» (с. 372). Подчеркивается, что законы имели нравственное воздействие на Верховный Совет СССР.

Верховенство и разумная неограниченность власти принадлежит Президенту РФ в силу его правового статуса главы государства, а также следующих публично-правовых причин: избираемости народом, текстуального (логико-правового) первенства в Конституции РФ по отношению к другим органам власти, широкого нормотворчества, уступающего по юридической силе только Конституции РФ, федеральным конституционным законам и федеральным законам.

Отдельное внимание уделено вопросам оптимизации организации структуры органов власти и количества служащих. Сложилось впечатление, что в этом автор видит проблему бюрократизма, когда «чиновники создают себе работу <...> работают друг на друга» (с. 359, 360)¹⁵.

Таким маркерам, как «создание для себя работы» и «работа чиновников друг на друга» можно дать разную оценку. А.М. Осавелюк говорит о случаях очевидной дефектности на службе, когда служащие отдаляются от граждан, воспринимают их обращения скорее как проблему для себя, чем как проблему, которая нуждается в разрешении. В то же время кадровые, бухгалтерские, закупочно-обеспечительные, технические отделы, как правило, не выполняют самостоятельные задачи для граждан, а призваны «работать на чиновников», обеспечивая тем самым надлежащие условия для исполнения ими должностных обязанностей.

Что касается официальной позиции органов власти, то во многих Кодексах этики (например, Кодекс этики прокурорского работника РФ¹⁶) закреплены такие принципы служебной деятельности, как недопустимость проявлений бюрократизма, формализма, высокомерия, неуважительного отношения к законным просьбам и требованиям граждан¹⁷.

¹⁵ Указанные вопросы всегда будут актуальны при оценке деятельности государственного аппарата. Служащие в силу разных причин (высокая профессиональная нагрузка, ограничения в рамках правового статуса, дефицит компетенций, а значит, кадровые потребности и т.д.) стремятся преодолеть стресс, обеспечить профессиональный и психологический комфорт как залог надлежащей служебной деятельности, поэтому внутри государственного аппарата появляются новые структуры, расщепляющие полномочия для их более быстрого, правильного и эффективного исполнения. Оптимизация же количества служащих означает освобождение от должности (увольнение) кого-то из них. Безусловно, когда речь идет о служащих, исполняющих дублирующие функции, не требующие высоких качественно профессиональных затрат, оптимизация необходима и позволит сократить финансово-бюджетные расходы на их содержание. Однако при достижении такого публичного интереса не будут ли ущемляться частные интересы конкретных служащих, прошедших конкурсные процедуры и законно замещающих свои должности? В этом контексте на принцип стабильности службы можно посмотреть с социальной стороны.

¹⁶ См.: Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации (утв. Приказом Генпрокуратуры России от 17.03.2010 № 114) // Законность. 2010. № 6.

¹⁷ Граждане-заявители, как показывает практика, не удовлетворены не столько структурой государственного аппарата или количеством служащих, сколько формальным отношением к их обращениям. Представляется, что такая ситуация имеет либо системный характер (к примеру, в случаях, когда заявитель требует финансовой или имущественной публично-правовой поддержки, а в соответствующем бюджете бюджетной системы в силу ограниченных источников его пополнения отсутствуют на это средства), либо субъективный характер (чаще всего ввиду невысокого профессионализма служащего и (или) его незаинтересованности в оказании помощи). Последнее можно преодолеть вышестоящим административным способом обращения или в судебном порядке.

В качестве самостоятельного параграфа вынесена тема «*Монарх — глава государства*», в которой преимущественно дается исторический анализ роли монарха в управлении государством. Выделены основные признаки монархической власти (верховенство, неограниченность), базирующиеся «не столько на положениях конституции, сколько на устоявшихся вековых национальных, исторических и других устоях, освященных верованиями народа» (с. 402). А.М. Осавелюк не сравнивает президента с монархом, но все же описывает роль, близкую к нему.

Отчасти указанные признаки характерны для статуса современного главы государства с той разницей (разумеется, существенной), что власть сегодня ограничивается народными интересами (в демократических государствах) и конституционными рамками (в правовых государствах).

Существуют точки зрения (в контексте рассматриваемого параграфа их уместно привести), согласно которым институт президента, будучи созданным на основе института монарха, унаследовал некоторые его prerogatives¹⁸. Это касается таких монархических полномочий, как верховное главнокомандование, внеочередной созыв палат парламента, помилование, прием послов, назначение на ключевые должности в государственном аппарате.

Традиционно монархия предусматривает наследственность власти, торжественную, как правило, ритуальную процедуру вступления на престол. Для российской монархии также были характерны научно-образовательная подготовка цесаревичей, необходимая для управления государством (например, курс законоведения¹⁹), и опора на доверие народа²⁰.

Для нынешнего института президента, по сути, не свойственна только наследственная форма приобретения власти. Так, конституционный статус Президента РФ предполагает принесение им в торжественной обстановке присяги (ст. 82), гарантирование им прав и свобод человека, согласованного функционирования органов публичной власти (ст. 80), что направлено на обеспечение доверия народа к власти, а в условиях выборности — образование и опыт, необходимые для управления государством (ст. 81).

Отмечается, что «линии разграничения между монархом и президентом размыты», поэтому, как пишет С.А. Авакьян, «есть опасность превращения Президента в институт демократического монархизма»²¹.

В гл. V «*Закрепление правового статуса человека в Конституции России*» А.М. Осавелюк останавливается на вопросах допустимости только позитивного правового регулирования прав и свобод человека, качества их гарантирования, необходимости вложения духовно-нравственного содержания в права и свободы во избежание антропоцентрического произвола.

¹⁸ Краснов М.А. «Монархизация» президентской власти // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5 (108). С. 87.

¹⁹ См.: Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII—XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 379.

²⁰ К примеру, известен исторический факт, когда Великий князь Кирилл Владимирович провозгласил себя Императором Всероссийским в изгнании (1924 год), Великий князь Николай Николаевич (Младший) «заявил, что вопрос о наследнике престола может решать только русский народ» (см.: Базанов С.Н. «Славный былинный богатырь» // Наука в России. 2013. № 6. С. 94).

²¹ Авакьян С.А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 5—12.

Одна из ключевых идей автора представляется следующим образом: ядром государственного регулирования правового статуса человека должна являться нравственность, его субъектом — нравственная личность, а процессы правоустановления и правореализации должны проходить в духе религиозных целей — Истины, Любви и Жизни. Таким образом, создаются духовно-нравственные основы государственного регулирования, когда и субъекты нормотворчества, и субъекты правореализации осознают одни и те же цели права, а также цели прав и свобод.

В ходе исследования вопросов гарантирования правового статуса человека делается вывод о том, что в тексте Конституции РФ найден баланс таких противоречащих друг другу концепций правопонимания, как юснатурализм и легизм²².

Далее поднимается один из сложнейших и универсальных вопросов первичности человека перед государством и наоборот, или, иными словами, приоритета частных интересов (индивидуализм) или публичных интересов (соборность). В основе рассуждений автора — риски деструктивного гуманизма, подменяющего под влиянием конституционных норм о высшей ценности человека, его прав и свобод, а также о свободе вероисповедания духовно-нравственный закон, способствуя человекопоклонничеству.

Но являются ли права и свободы человека исключительной ценностью, а свобода вероисповедания синонимом атеизма? Опираясь на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, А.М. Осавелюк указывает, что есть и другие ценности, в интересах защиты которых права и свободы могут ограничиваться. Это основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, оборона и безопасность государства. Поэтому у Конституции РФ имеется потенциал к пресечению человекопоклонничества. А вот гарантирование свободы вероисповедания каждому, по мнению автора, предполагает невмешательство в исповедание или не исповедание религии, в том числе детьми, что заметно контрастирует с иными в конституционно-правовом смысле несамостоятельными правами — правом детей на основное общее образование (его получение должны обеспечить родители или лица, их заменяющие), правом детей на заботу и воспитание (это обязанность родителей). «Наши предки, — пишет автор, — напротив, старались заложить духовные основы» (с. 455).

Абсолютная секуляризация влечет духовный кризис — отрицание нравственности и религиозных заповедей, хотя именно они, воздействуя на совесть, а не на внешнее поведение, являются первичными регуляторами общественных отношений (ведь не каждый гражданин разбирается в нормах права, чтобы руководствоваться ими в повседневной бытовой жизни и при взаимодействии с другими людьми); именно они, раскрывая значение терпения, смирения, милосердия, солидарности, являются ориентирами для качественного правового регулирования.

Как отмечал Г.В. Еллинек, «высшее искусство толкователя состоит не в том, чтобы вывести что-нибудь из текста,

а в том, чтобы ввести в него»²³, поэтому конституционные нормы о высшей ценности человека, его прав и свобод, а также о свободе вероисповедания нуждаются в толковании, обеспечивающем баланс частных и публичных интересов, что предполагает пресечение тирании антропоцентризма (в настоящее время оно осуществляется в рамках конституционного правосудия), и в воспитательном осмыслении, позволяющем формировать у обучающихся духовно-нравственные ориентиры²⁴.

Автор не обошел вниманием и наличие духовно-нравственной и формально-юридической дихотомии в регулировании и осуществлении права собственности. При наличии правовых гарантий приобретения и защиты права собственности, первично отношение человека к имуществу и целям, которые он ставит, используя имущество²⁵.

А.М. Осавелюк замечает, что конституции ряда государств (Греция, Германия, Испания, Италия) содержат такие конструкции, как «собственность обязывает», «ее использование должно одновременно служить общему благу». Они позволяют, как отмечает автор, преодолевать формально-юридический подход к гарантированию права собственности и использовать его в том числе в духовно-нравственных целях. Конституция РФ на первый взгляд предусматривает только формально-юридические гарантии права собственности. Однако одновременно она допускает ограничение этого права для целей защиты, в частности, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, что при соответствующем конституционно-правовом истолковании позволяет согласовать формально-юридические и духовно-нравственные начала в регулировании указанного права.

Несмотря на разницу в конституционных текстах, представляется, что духовно-нравственные цели использования права собственности зависят от «субъективной стороны», т.е. мотивов, переживаний и совести человека. Поэтому важны не только конституционно-правовая интерпретация права собственности для достижения духовно-нравственного результата его осуществления (для общего блага), но и формирование в процессе воспитания духовно-нравственного отношения людей друг к другу, чтобы ценились не вещи, а люди.

В завершающей части рецензируемой работы А.М. Осавелюк подчеркивает, что, несмотря на имеющиеся, но решаемые проблемы, российская правовая система, а лучше сказать, правовая культура тесно связана с нравственностью и опирается на традиционную религиозную веру. Вследствие этого главной задачей современного конституционализма является развитие духовности российского общества.

²³ Еллинек Г.В. Конституции, их изменения и преобразования. М., 2013. С. 25.

²⁴ Такая задача уже поставлена в рамках Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7598).

²⁵ Жадность, любовь к своим вещам, накопительство «вытесняют из души человека все благородные чувства... его сердце становится не отзывчивым к нуждам ближних <...> такой человек может не побороть и преступлением» (с. 472). Использование же собственности на благо людей способствует совершению добрых дел — поддержка малообеспеченных граждан, благотворительность, т.е. частные интересы реализуются для обеспечения публичных интересов, в чем профессор Московской духовной академии Н.А. Заозерский видел духовную сторону права (см.: Пермиловский М.С. Н.А. Заозерский о духовной стороне права // Юрид. образование и наука. 2024. № 5. С. 42–45).

²² Действительно, при установленном статьей 15 Конституции РФ нормативизме конституционный текст содержит множество юснатуралистических понятий (духовность, нравственность, ценность, равенство, солидарность, уважение (ст. 2, 19, 55, 67, 75¹)), что дает основание для расширительного правотолкования и, как следствие, «позволяет не только упорядочить различные виды гарантий прав и свобод человека и гражданина, но и само регулирование прав и свобод человека и гражданина, их реализацию и защиту сделать более полными и многоаспектными» (с. 436).

* * *

В заключение отметим, что книга А.М. Осавелюка «Духовно-нравственные основы Конституции Российской Федерации» отражает многолетний концептуальный взгляд на развитие конституционализма, получивший в настоящее время официальное подтверждение в виде стратегических задач по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 5–12.
2. Базанов С.Н. «Славный былинный богатырь» // Наука в России. 2013. № 6. С. 94.
3. Байков А.Л. Междувластные и властные отношения в теории права: опыт теоретико-познавательного построения. Ярославль, 1912. С. 225–229.
4. Еллинек Г.В. Конституции, их изменения и преобразования. М., 2013. С. 25.
5. Заозерский Н.А. Право православной грековосточной русской церкви как предмет специальной юридической науки // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1888. Ч. 1. Кн. 2. С. 323, 324.
6. Зорькин В.Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства // Журнал рос. права. 2023. № 5. С. 99.
7. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. СПб., 2023. С. 22, 33, 267, 279, 424, 426.
8. Коркунов Н.М. Общественное значение права: лекции в Императорском Александровском лицее. СПб., 1892. С. 1, 2.
9. Краснов М.А. «Монархизация» президентской власти // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5 (108). С. 87.
10. Кузубова А.Ю. Правовые ценности в юридической доктрине русского консерватизма XIX века: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2023. С. 14–16, 156–181.
11. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 25–27.
12. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 278.
13. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 2022. С. 170.
14. Овчинников А.И. Бог и Конституция в постсекулярном мире // Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А.П. Лопухина (1852–1904) / под ред. А.И. Овчинникова. М., 2020. С. 80.
15. Осавелюк А.М. Духовно-нравственные основы Конституции Российской Федерации (избранные труды): сб. М., 2024. С. 24, 40, 126, 129, 138, 169, 170, 174, 182, 293, 298, 359, 360, 372, 402, 436, 455, 472.
16. Пермиловский М.С. Н.А. Заозерский о духовной стороне права // Юрид. образование и наука. 2024. № 5. С. 42–45.
17. Пермиловский М.С. Учение В.Ф. Дерюжинского о государственном воздействии на нравственность и современные задачи по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовая культура. 2023. № 3 (54). С. 5–10.
18. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М., 2017. Ч. 1. С. 274–282.
19. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 379.

20. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского о характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 3. С. 230, 231, 239, 242.
21. Щеглов В.Г. Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль, 1888. С. 72, 87, 98.
22. Pound R. Law and Morals – Jurisprudence and Ethics // North Carolina Law Review. 1945. Vol. 23. Iss. 3. Pp. 191–193.

REFERENCES

1. Avakyan S.A. Modern problems of constitutional and municipal construction in Russia // Constitutional and Municipal Law. 2010. No. 3. Pp. 5–12 (in Russ.).
2. Bazanov S.N. “The glorious epic hero” // Science in Russia. 2013. No. 6. P. 94 (in Russ.).
3. Baikov A.L. Inter-governmental and power relations in the theory of law: the experience of theoretical and cognitive construction. Yaroslavl, 1912. Pp. 225–229 (in Russ.).
4. Jellinek G.V. Constitutions, their changes and transformations. M., 2013. P. 25 (in Russ.).
5. Zaozersky N.A. The law of the Orthodox Greek-Eastern Russian Church as a subject of special legal science // Additions to the Works of St. Nicholas. Fathers. 1888. Part 1. Book 2. Pp. 323, 324 (in Russ.).
6. Zorkin V.D. Constitutional control as a factor in improving Russian legislation // Journal of Russ. law. 2023. No. 5. P. 99 (in Russ.).
7. Kelsen G. Pure doctrine of law / transl. from German by M.V. Antonova, S.V. Lezova. SPb., 2023. Pp. 22, 33, 267, 279, 424, 426 (in Russ.).
8. Korkunov N.M. The social significance of law: lectures in The Imperial Alexander Lyceum. St. Petersburg, 1892. Pp. 1, 2 (in Russ.).
9. Krasnov M.A. “Monarchization” of presidential power // Comparative Constitutional Review. 2015. No. 5 (108). P. 87 (in Russ.).
10. Kuzubova A. Yu. Legal values in the legal doctrine of Russian conservatism of the XIX century: dis. ... Doctor of Law. Belgorod, 2023. Pp. 14–16, 156–181 (in Russ.).
11. Martyshev O.V. On some features of the Russian legal and political culture // State and Law. 2003. No. 10. Pp. 25–27 (in Russ.).
12. Medushevsky A.N. Theory of constitutional cycles. M., 2005. P. 278 (in Russ.).
13. Muromtsev S.A. Definition and basic division of law. M., 2022. P. 170 (in Russ.).
14. Ovchinnikov A.I. God and the Constitution in the post-secular world // God. Man. The Constitution. The Biblical Philosophy of Law in the scientific legacy of A.P. Lopukhin (1852–1904) / ed. by A.I. Ovchinnikov. M., 2020. P. 80 (in Russ.).
15. Osaveliuk A.M. Spiritual and moral foundations of the Constitution of the Russian Federation (selected works): collection. M., 2024. Pp. 24, 40, 126, 129, 138, 169, 170, 174, 182, 293, 298, 359, 360, 372, 402, 436, 455, 472 (in Russ.).
16. Permilovsky M.S. N.A. Zaozersky on the spiritual side of law // Legal education and science. 2024. No. 5. Pp. 42–45 (in Russ.).
17. Permilovsky M.S. V.F. Deryuzhinsky’s teaching on state influence on morality and modern tasks of preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values // Legal culture. 2023. No. 3 (54). Pp. 5–10 (in Russ.).

18. *Petrzhitsky L.I.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality. M., 2017. Part 1. Pp. 274–282 (in Russ.).
19. *Tomsinov V.A.* Russian jurists of the XVIII–XX centuries: essays on life and creativity: in 2 vols. M., 2007. Vol. 1. P. 379 (in Russ.).
20. *Khomyakov A.S.* On the article by I.V. Kireevsky on the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia // *Khomyakov A.S.* The complete works. M., 1900. Vol. 3. Pp. 230, 231, 239, 242 (in Russ.).
21. *Shcheglov V.G.* Morality and law in their mutual relations. Yaroslavl, 1888. Pp. 72, 87, 98 (in Russ.).
22. *Pound R.* Law and Morals – Jurisprudence and Ethics // *North Carolina Law Review*. 1945. Vol. 23. Iss. 3. Pp. 191–193.

Сведения об авторе

ПЕРМИЛОВСКИЙ Михаил Сергеевич –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного
и международного права
Северного (Арктического)
федерального университета
им. М.В. Ломоносова; 163002 г. Архангельск,
набережная Северной Двины, д. 17

Authors' information

PERMILOVSKY Mikhail S. –
PhD in Law,
Associate Professor of the Department of State
and International Law,
Lomonosov Northern (Arctic)
Federal University;
17 Severnaya Dvina Embankment,
163002 Arkhangelsk, Russia